
МАРИНА ВЕТРОВА ✦ ЗЛАТА ХИТРОВА
Предательство мужа.
Ты продал мою должность,
но твой начальник лишил тебя всего!

Злата Хитрова
Марина Ветрова

Предательство мужа. Ты продал мою должность, но твой начальник лишил тебя всего!

https://litres.ru/74716569
SelfPub; 2026

Аннотация

Я услышала за живой изгородью, как муж продаёт мою должность, дом и будущее.

Шесть лет брака оказались тщательно рассчитанной ловушкой: подписи подделаны, документы исчезают, а меня собираются вышвырнуть из цитрусовых садов, которым я отдала жизнь.

Единственный, кто способен остановить сделку, — Харун, властный директор холдинга. Он предлагает защиту, но требует полной преданности.

Я не хочу снова стать чьей-то собственностью.

Только времени почти нет: муж готовит последнюю подлость, а за найденные улики меня могут уничтожить.

Придётся выбрать — бежать или бороться.

И выяснить, чего на самом деле хочет мужчина, который впервые увидел во мне не выгодный контракт, а женщину с характером.

Содержание

Глава 1. Изгородь 5
Глава 2. Служебный дом 11
Глава 3. Ультиматум 17
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Марина Ветрова, Злата Хитрова Предательство мужа. Ты продал мою должность, но твой начальник лишил тебя всего!

Глава 1. Изгородь

Секатор щёлкнул в третий раз, и я поняла, что подслушиваю.

Не сразу, конечно. Сначала я просто стояла за живой изгородью с западной стороны резиденции, на алюминиевой стремянке, и подстригала самшит — ровно, волнами, как любил Харун. Утро было ещё прохладное, от земли поднимался запах стриженой зелени и мокрой глины, и я была совершенно счастлива в своём маленьком мирке из веток и лезвий. В двадцати метрах, на террасе под перголой, сидели двое: мой муж и куратор резиденции Магид. Я даже не вслушивалась — голоса были фоном, как цикады.

Потом фоном стало моё имя.

«— Ассоль — вопрос решённый, — говорил Вадим, и голос у него был тёплый, переговорный, я знала этот голос двенадцать лет, он включался у него с клиентами, с начальством, с моей мамой. — Её контракт переоформляем с первого июля. Управляющей она больше не числится».

Секатор застыл у меня в руке. Лезвие — я помнила это абсолютно отчётливо, как замедленная съёмка, — лезвие дотронулось до ветки самшита и не сомкнулось.

«— Она согласилась?» — спросил Магид. У него был низкий, ровный голос, никакой — голос человека, который подписывает чужие судьбы между завтраком и почтой.

«— А ей говорят после подписания. Зачем ей волноваться заранее? Магид, ну что ты как... — Вадим рассмеялся, и я узнала этот смех, я слышала его сотни раз через телефонную трубку, лёжа рядом с ним в постели. — Смотри, что получается. Должность уходит к твоему человеку, структура чистая, бюджет по садам идёт напрямую через твою документацию. А Ассоль — она обременение контракта, понимаете? Красивое, между прочим, обременение. Ей оформим что-то декоративное. Консультанта. Снизим, разумеется, вдвое».

«— Снижение она заметит».

«— Заметит. Но что она сделает? Работать без рекомендации холдинга в этой стране она не сможет, а рекомендацию подписываешь ты. Дом у неё служебный, при увольнении — освободить в месячный срок. Магид, она зажата со

всех сторон, как цитрус в сетке. Красивая картинка, да? Я сам эту сетку вязал шесть лет».

Шесть лет. Мы были женаты шесть лет. Двенадцать — вместе.

Я стояла на стремянке и смотрела на собственную руку с секатором так, будто видела её впервые. Пальцы не дрожали. Это меня и испугало больше всего — пальцы были спокойные, рабочие, привычные к точным движениям, а внутри что-то обрушивалось этаж за этажом, как старый дуплистый ствол под ветром.

Магид что-то ответил — я не разобрала, кровь стучала в ушах. Потом Вадим произнёс, уже деловито, почти скучающе:

«— И пакет документации по садам передашь мне до пятницы. Актам нужна новая... редакция. Старые версии пусть исчезнут. Ассоль их не читала и не прочтёт — она не бумажный человек, она земляной. Я её такой и женил».

Земляной. Он всегда любил это слово. «Моя Ассоль — земляная, настоящая, без пластика». Я три года таяла от этой фразы, а оказывается, она значила: эта женщина не умеет читать договоры, значит, ей можно подсовывать что угодно.

Они встали. Послышался звон чашек, скрип стульев — Магид распорядился принести кофе. Я аккуратно, очень аккуратно, положила секатор в карман фартука, слезла со стремянки — ноги держали, к моему удивлению, — и ушла за изгородь по дорожке, ровным спокойным шагом управляю-

щей, у которой ещё полтора часа до обеда и двадцать грядок в плане.

Волны самшита так и остались недорезанными. Одна ветка торчала вбок, как поднятая рука.

Дом наш стоял в восточном крыле резиденции — маленький, каменный, увитый жасмином, и я любила его шесть лет, потому что из окна кухни были видны первые ряды апельсинового сада, и утром, до света, они стояли тёмной драгоценной стеной, и это стоило всего.

Вадим вернулся к семи. Я слышала его машину, слышала, как он выходит, и успела сесть на террасу с садовым журналом, который не читала.

— Ассоль. — Он вошёл с пакетом, и у меня внутри всё сжалось: я уже знала этот жест, этот пакет. — Смотри, что я тебе привёз.

Он выложил на стол передо мной апельсины — пять штук, с нашей нижней террасы, с деревьев, которые обрезала я. Отбирал самые красивые, с ветками и листьями. Он делал это каждую неделю. Шесть лет. А я думала, что это любовь.

— Снизу их больше нельзя брать, — сказала я. Голос прозвучал ровно. Даже удивительно ровно. — Я подписала распоряжение: нижняя терраса уходит под восстановление, урожай идёт в переработку.

— Ассоль. — Он сел напротив, устроился по-хозяйски, развалился. — Ты хоть понимаешь, что ты управляющая резиденцией, а не колхозного сада? Какие распоряжения, кого

это интересует...

— Тебя не интересует. Я поняла.

Он поднял глаза. На секунду в них мелькнуло что-то холодное и оценивающее, как показания весов, а затем исчезло под привычной гладкостью — улыбкой и тёплыми карими глазами, в которые я влюбилась на третьем курсе. Тогда он принёс мне пакет апельсинов и сказал, что я красивая, когда сержусь.

— Что случилось? — спросил он мягко. — У тебя такой вид, будто я что-то натворил.

И вот тут я выбрала. Мгновение — и я выбрала молчать. Не потому что боялась. Потому что не была готова: у меня в руках не было ничего, ни одного документа, ни одной улики, только подслушанное за изгородью, а Вадим умел выпутываться из подслушанного. Я слишком хорошо его знала.

— Устала, — сказала я. — Большой объём обрезки на западной стороне.

— Моя трудяжка. — Он потянулся через стол и потрепал меня по щеке, и мне впервые за двенадцать лет захотелось отдёрнуться. Я не отдёрнулась. — Слушай, я уезжаю завтра на сутки, переговоры в столице. По той теме, о которой говорил... в смысле, по работе. Приеду послезавтра. Поужинаем где-нибудь, ладно? Ты заслужила.

— Конечно, — сказала я.

Он ушёл душ, потом ужинать остатками вчерашнего кускуса, потом звонить кому-то, смеяться в трубку в кабинете.

А я мыла посуду и смотрела на пять апельсинов, лежащих на столе. Красивые. С листьями. С деревьев, которые я спасла два года назад, когда их залило, и двое суток не спала, откачивая воду из междурядий.

Я взяла один апельсин, разрезала — и он оказался внутри сухим, с белёсой горечью у кожуры. Я сидела над разрезанным апельсином и думала: а вдруг это только один такой. Вдруг остальные четыре — сладкие. Вдруг мне показалось за изгородью. Вдруг, вдруг, вдруг.

Я не съела его. Выбросила в компост вместе с кожурой и пошла спать в пустую половину кровати, и уснула только под утро, и последнее, что я подумала, засыпая: он сказал «поужинаем где-нибудь». Где-нибудь — значит не в резиденции. Значит, с ней.

Глава 2. Служебный дом

Вадим уехал в восемь, чмокнув меня в макушку, — я как раз надевала сапоги в прихожей, и от его губ пахло чужим, сладковатым, парфюмерным, и я поняла: он не скрывается уже. Зачем. Обременение контракта не нуждается в маскировке.

Машина ушла за ворота, и я вошла в его кабинет.

Не потому что решилась. Решилась я ещё ночью, лёжа в пустой половине кровати. Просто надо было дождаться, когда уедет, — я хорошо знала свои руки: они не умеют врать, он читает меня по рукам.

Кабинет у него был аккуратный, как всё, что он делал напоказ: стол, два монитора, кожаное кресло, сертификаты в рамках. Я начала со шкафов — папки, договора, каталоги. Ничего. Потом выдвинула ящики стола — ручки, зарядки, пачка визиток. Ничего.

Портфель лежал на нижней полке стеллажа, задвинутый за коробки с брендовыми брошюрами. Он его обычно брал с собой. Но вчера приехал поздно и, видимо, просто забыл, а уезжал сегодня через прихожую, где портфель уже не искал — не хватало времени.

Замка не было. Он не запирал от меня ничего. Никогда. Потому что я — земляная. Я села в его кресло — кресло было ещё тёплое, и от этого меня замутило — и выложи-

ла содержимое на стол: планшет, зарядка, три папки. Две — рабочие, я их пролистала за минуту. Третья — коричневая, плотная, с завязками. Я развязала шнурок и вытащила стопку листов.

Акты выполненных работ по садам резиденции. Мои сады — за два года вперёд, с датами, которых ещё не было. Сначала я решила, что ошиблась в датах, но передо мной лежали акты на будущие работы. У меня похолодели ладони.

На каждом акте стояла моя подпись. Моя — я узнала её сразу, этот нажим, этот росчерк, я ставила её десять тысяч раз на ящиках рассады и накладных. Но я не подписывала эти листы. Я никогда в жизни не подписывала акт на семьдесят тысяч на замену оросительной системы, потому что оросительную систему ставили четыре года назад, и ставили её при прежнем управлении, и я своими руками меняла в ней три форсунки прошлой весной.

Я перелистала. Двадцать три акта. На каждом — моя подпись, на некоторых — ещё и вторая, Магида, приёмка. Даты, суммы, наименования: замена насосов, закупка саженцев, противогрибковая обработка. Я знала, сколько стоит обработка, я сама считала смету в январе — в акте стояло в три раза больше.

Свет в кабинете резанул глаза. Я сидела в чужом кресле и дрожала мелко, как перед грозой, хотя руки аккуратно складывали листы обратно. Управляющая во мне всё ещё работала: вернуть каждую бумагу на место, не оставить следов.

Он продавал не мою должность. Он продавал сады. По бумагам, по несуществующим работам, годами — а мне оставались апельсины в пакете и «моя трудяжка».

Я сфотографировала каждый лист на телефон. Руки к тому моменту выучились не дрожать — двадцать лет работы с землёй приучили: паника потом, сначала дела. Я положила папку на место, задвинула за коробки, стёрла со стола пыль, где она была, закрыла кабинет.

На кухне я заварила кофе — крепкий, чёрный, без всего — и села с телефоном считать. Что у меня есть. Зарплата — за месяц вперёд. Счёт в банке — на восемь месяцев скромной жизни, если совсем уж урезать, но дом служебный, дом не мой, при расторжении контракта — освободить в тридцатидневный срок. Работы в стране для агронома без рекомендации холдинга — нет, я это знала, у меня две знакомые управляющие ушли отсюда за десять лет, и обе уехали на родину. Брак? Расторгнуть? С чем выходить? С половиной ничего — всё записано на Вадима ещё с той поры, когда я верила, что так правильнее.

Получалось, что мой муж украл у меня шесть лет, должность, дом, подпись — и мне даже уйти некуда.

Я допила кофе, собрала волю в кулак — так собираешь инструмент после падения: сначала проверяешь пальцы, потом берёшься за рукоять — и сделала две вещи. Первое: отправила копии всех фотографий себе на почту и ещё на две почты, которые Вадим не знал. Второе: положила в карман

фартука чистый лист и карандаш и пошла в сады.

Весь день я ходила по своим рядам и сверяла. Дерево за деревом. Двенадцатый ряд нижней террасы — так, в акте за март прошлого года здесь числилась «сплошная замена саженцев по причине гибели от корневой гнили». Я стояла перед двенадцатым рядом и смотрела на двадцать деревьев, посаженных — я помнила день, у меня ныла спина и Таисия приносила мне воду — семь лет назад. Живые. Здоровые. Плодоносящие. Никакой замены не было.

— Пей, — сказала Таисия.

Она подала стакан, но не отпустила сразу: придержала его за донышко, пока я не обхватила тёплую жестянку обеими ладонями. Кофе обжёг губы, пах кардамоном и дымом от горелки. Я глотнула слишком быстро и закашлялась.

— Не торопись. Он от тебя никуда не убежит.

— А сады? — спросила я. — Если бы у тебя их отняли, что бы ты делала?

Таисия посмотрела на меня снизу вверх — она была на голову ниже, но взгляд у неё всегда оставался хозяйским. Сначала проверила, не расплескала ли я кофе на фартук, потом забрала стакан, вытерла его краем полотенца и только тогда ответила:

— Я бы перестала плакать над разрезанным апельсином.

Я замерла. Значит, заметила и это.

— Ты вчера под изгородью стояла долго, — продолжила она. — Волну самшита не добрила.

— Ты видела?

— Я здесь тридцать лет, девочка. Я всё вижу. И мужа твоего тоже. Он в последние месяцы с бумагами чаще ходит, чем по садам. А бумага, она как вода: протекает туда, где плохо лежит.

— Почему ты раньше молчала?

— Потому что ты бы спросила, чем доказать. А у меня были только глаза. — Она плотно затянула крышку термоса. — Теперь у тебя есть своё ухо и, похоже, есть что проверить.

Я опустила взгляд на кофе. На поверхности дрожал тонкий золотистый ободок масла. Мне хотелось сказать ей всё — про разговор, про должность, про то, как Вадим назвал меня обременением. Но слова всё ещё стояли поперёк горла.

— И что мне делать?

Таисия поправила мне воротник — коротко, без жалости, как поправляют одежду перед выходом на работу.

— Идти к тому, у кого здесь всё. Не к куратору. К хозяину.

— Харун?

— Он завтра вернётся. Самолёт в двадцать два ноль-ноль. Приходи к западной изгороди к восьми утра. Там стрижка нужна. И вид оттуда на дорогу хороший.

Я поняла: она не просто назначила мне работу. Она оставляла мне место, откуда я смогу увидеть, кто приедет.

— А если он не захочет меня слушать?

— Тогда хотя бы самшит будет подстрижен, — сказала Таисия. — Но захочет. Умный человек слышит, когда ему

наконец говорят прямо.

Глава 3. Ультиматум

В восемь утра следующего дня я стояла на стремянке у западной изгороди, когда чёрный автомобиль въехал через главные ворота — раньше объявленного времени, лёгкий, низкий, как хищная птица. Машина прошла по аллее, замедлилась — и остановилась прямо напротив меня.

Стекло опустилось. Харун посмотрел на меня снизу вверх — впервые в жизни я видела его ближе чем за сто метров: он приезжал в резиденцию раз в квартал, шёл через сады с Магидом, и все в этот день ходили на цыпочках.

Он был моложе, чем я ожидала, и другое — не такое. Не парадное. Суховатое лицо, стрижка коротко, руки — я заметила руки сразу, у меня профессиональное — длинные, с отмеченными жилами, рука человека, который сам работает с бумагами, как я с деревьями. Он смотрел на меня секунды три — на лицо, на стремянку, на секатор в моём чехле на поясе, — и во взгляде не было ничего, что я привыкла видеть у мужчин: ни оценивающего скольжения по фигуре, ни снисходительной улыбки. Он смотрел, как смотрят на дерево в питомнике: что ты такое и чего от тебя ждать.

— Что с ней не так? — спросил он, кивнув на изгородь.

Я посмотрела. Двенадцатый метр. Вчерашняя недорезанная волна, торчащая ветка, неровная линия.

— Кончик лезвия затупился на колючей ветке в четверг,

— сказала я. — Подрезка идёт криво, я меняю нож сегодня до обеда.

Он помолчал. Потом уголок его рта дёрнулся — не улыбка, только подготовка к улыбке, и даже это было на его лице что-то вроде редкого события.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.